

02

Грузия: Фасад реформы

Georgia: Façade of the reform.
Construction boom was initiated by the central authorities. Unlike Russia, the most striking buildings of the country have been erected not by private investors but by the state and in it's interests

Λ **Presidential palace of Mikhail Saakashvili.**
Architects Giga Batiashvili, Michele de Lucchi, 2009
Президентский дворец Михаила Саакашвили в центре Тбилиси. Архитекторы Гига Батиашвили, Микеле де Лукки, 2009

нов, завершал же японец Шин Такамацу. Выбор архитекторов из дальнего зарубежья свидетельствует о готовности предпринимать немалые усилия, чтобы достичь желаемого эффекта. Но если о возможной архитектурно-строительной политике Иванишвили в масштабах страны говорить пока рано, то в случае Саакашвили самое время подводить итоги – посмотреть, как перестройка Грузии по «коду», заложенному в президентском дворце, сказалась на облике городов и политической карьере реформатора.

Благими намерениями... Волна новой архитектуры, меняющая облик Тбилиси и грузинской провинции,

V **Residence of Georgian prime minister Bidzina Ivanishvili on Mtatsminda mountain in Tbilisi.** Architects Mikhail Khazanov, Shin Takamatsu, 2009
Резиденция новоизбранного премьера Бидзины Иванишвили на горе Мтацминда в Тбилиси. Архитекторы Михаил Хазанов, Шин Такамацу, 2009

была замечена внешними наблюдателями с некоторым запозданием. Уже после того, как сформировался устойчивый интерес к политическим преобразованиям Саакашвили. В то время как два этих процесса изначально надо было рассматривать один в контексте другого. Удобные и подчеркнута современные постройки – это одновременно и инфраструктура новой власти, и послания «городу и миру» от реформаторов.

Инициатором строительного бума в Грузии была центральная власть. В отличие от России, самые интересные здания в республике возведены отнюдь не амбициозными частными девелоперами, а государством и в интересах государства, средствами архитектуры утверждавшего принадлежность нации к цивилизационному пространству Запада. Изменение урбанистического ландшафта Грузии такой же идеологический проект, как, например, создание сталинской Москвы. При этом государство как заказчик архитектурных проектов было весьма прагматично и наце-

Прошедшие в октябре парламентские выборы привели к смене власти в Грузии. Партия «Единое национальное движение» президента Михаила Саакашвили набрала меньше голосов, чем «Грузинская мечта». Лидер победившей коалиции Бидзина Иванишвили, став премьер-министром, получил в соответствии с новой конституцией основные рычаги управления государством.

Политическое соперничество нашло отражение в противостоянии двух глядящих друг на друга через Куру зданий в центре Тбилиси. Прежде чем сойтись в схватке, противники как бы присматриваются друг к другу, оценивая и одновременно угрожая. Архитектура этих объектов многое говорит о характере политических сил, с которыми они ассоциируются в общественном сознании.

Расположенный в районе Авалабар Президентский дворец выполнен в слегка наивной неоклассике, характерной для постсоветского пространства, и увенчан стеклянным куполом в духе фостеровского

Рейхстага. Будто бы традиционалистски настроенная власть вдруг решила приставить себе другую голову, взяв обязательство быть очень современной. С высоты горы Мтацминда на дворец смотрит нагромождение цилиндров и параллелепипедов, напоминающее не то базу пришельцев, не то дом пионеров с планетарием. Это резиденция Бидзины Иванишвили. Она вроде бы апеллирует к демократичному языку архитектуры модернизма. Но расположение постройки на горе и глубокий ров, отгораживающий ее от простых смертных, гуляющих по Ботаническому саду, несут архаический по своей природе меседж: с безопасного отдаления хозяин видит все и сам остается всегда на виду.

Помимо противоречивости вкладываемых смыслов, эти здания роднит и то, что по ходу строительства их заказчики сменили архитекторов. Президентский дворец начинал Гига Батиашвили, а доводил до ума Микеле де Лукки. Бастион Иванишвили сперва проектировал Михаил Хаза-

лено на решение совершенно определенных задач. Попробуем их перечислить, проиллюстрировав соответствующими примерами:

1. Создание условий для предоставления качественных государственных услуг. В каждом городе Грузии строится так называемый Дом юстиции – здание нарочито современной архитектуры с легкими, воздушными интерьерами. Здесь можно оформить паспорт, подать прошение на получение гражданства, зарегистрировать предприятие или недвижимость, получить свидетельство о браке и т. д. Утверждается, что среднее время ожидания составляет меньше минуты, а сам процесс обслуживания в 98% случаев продолжается от одной до пяти минут. Посещение Дома юстиции – опыт значительно более позитивный, чем визит в любое российское казенное учреждение. И не в последнюю очередь, благодаря удачной организации пространства, приятным зрительным и тактильным ощущениям.

2. Маркетинг территории с прицелом на иностранных туристов. Самый, наверное, показательный пример – возведение в Батуми рядом с Приморским парком (он же Бульвар) 130-метровой башни «Грузинский алфавит» по проекту испанской компании CMD Ingenieros (2012). В гигантском вращающемся шаре, насаженном на сложную металлическую конструкцию,

▲ Structures by German architect Jürgen Mayer H.: pavilion at highway Tbilisi – Batumi, customhouse at Georgian-Turkish border in Sapri

Постройки немецкого архитектора Юргена Майера: остановочный павильон на трассе Тбилиси – Батуми, таможня на грузинско-турецкой границе в Сапри

должны разместиться рестораны, телестудия и обсерватория. Очевидно, что никакого иного смысла, кроме как поражать гостей города, за этим удивительным сооружением не просматривается. Еще более радикальную архитектурно-средовую инсталляцию являет собой стеклянный мост Мира в Тбилиси (арх. Микеле де Лукки), напоминающий подвешенный на цепях хрустальный гроб царевны из сказки о семи богатырях. Но есть и более интересные ландмарки, например, работы Юргена Майера: батумская таможня, полицейский участок в Местиа, остановочные павильоны на трассе Тбилиси – Батуми. Здания причудливой архитектуры расположены именно там, где можно ожидать появления гостей, формирующих для себя образ страны. Важно, что эти сооружения построены для решения реальных проблем и не являются исключительно туристическими достопримечательностями.

3. Запуск процессов развития регионов и городов за счет реализации государственных проектов. Были приложены

огромные усилия для обновления транспортной инфраструктуры. Построены новые здания аэропортов в Тбилиси, Батуми, Кутаиси. В этих же городах возведены новые или реконструированы старые железнодорожные вокзалы. В Батуми параллельно с отделкой фасадов и мощением улиц полностью заменены системы водопровода и канализации. Советская власть с этой задачей в свое время так и не справилась. В плане инфраструктурного развития Грузия совершила заметный рывок.

Полное обновление проспекта Давида Строителя в Тбилиси, тотальная реконструкция туристических центров Мцхеты и Сигнахи (оставим пока за скобками вопрос об их безупречности с точки зрения международно признанной практики работы с историческим наследием) безусловно способствуют приходу частных инвесторов и развитию малого бизнеса.

К разряду проектов-катализаторов развития можно отнести и спорную, но системную инициативу по переносу правительственных институтов в различные города Грузии. Конституционный суд теперь заседает в Батуми, а парламент – в Кутаиси. Данная мера может обеспечить появление точек роста в регионах и ослабить миграционное давление на Тбилиси, куда в поисках средств к существованию стремятся массы людей из провинции.

Как часть той же политики децентрализации следует рассматривать и планы строительства города Лазика, видевшегося как второе по количеству жителей (500 тыс. человек) поселение страны. Проводились ли исследования на предмет того, найдется ли в Грузии достаточно людей, чтобы заполнить город, авто-ру данного текста неизвестно. Возможно, ожидалось потоки репатриантов из России и Украины...

4. Искренняя попытка создать комфортную для жителей и привлекательную для гостей городскую среду. Самая, наверное, знаменательная инициатива – радикальное, на многие километры, продление батумского Приморского бульвара, протяженность которого на сегодня равна 8 км. (В советское время она составляла менее 2 км.) Есть и другие удачные, в частности реконструкция городского центра Кутаиси. На главной площади и прилегающих улицах отреставрированы фасады домов, проезжая часть и тротуары вымощены камнем, устроены фонтаны, высажены деревья и кустарники, отремонтированы исторические мосты через Риони, благоустроен городской парк. Пусть реконструкция оставляет ощущение излишней глянцево-стерильности созданной среды, зато она показывает, что в городе, который считался скучным, на самом деле есть много красивых зданий и мест, приятных для прогулок.

5. Зримое воплощение процесса изменений. Все упомянутые выше объекты и проекты не намекают, а прямо вопиют, что Грузия отнюдь не государство третьего мира, а развитая европейская страна. Как Дом юстиции в Тбилиси, построенный по проекту Массимилиано и Дорианы Фуксас с его экспрессивными формами и сложным внутренним пространством. И здание парламента в Кутаиси (CMD Ingenieros, 2012), символизирующее принципиальный разрыв с прежней политической традицией.

Поправка на реальность В это трудно поверить, но активная деятельность по развитию городской среды скорее снизила, нежели повысила политический рейтинг Саакашвили. Показателен результат президентской партии «Единое национальное движение» на парламентских выборах 2012 г., полученный в Батуми – городе, для которого всего за несколько лет президент-реформатор сделал едва ли не столько же, сколько цари и советская власть.

Почти две трети избирателей поддержали его оппонентов из «Грузинской мечты». В мажоритарном округе также победил противник действующего президента. Конечно, можно считать грузинских избирателей абсолютно иррациональными. Но решение голосовать за оппозицию может быть подкреплено и разумными аргументами, в том числе из области урбанистики.

Просматривая картинки с проектами, которые так восхищают жителей постсоветского пространства, уставших от типовых панельных «коробок», эксперты, знакомые с тем, что происходит в мире, хмыкали: «Все хотят, как в Дубае!» Занимаясь обустройством территории,

New tourist attractions in Batumi: Italian Piazza complex (architect V. Orbeladze, 2009) and Georgian Alphabet tower (CMD Ingenieros, 2012)
Новые достопримечательности Батуми: комплекс «Итальянская Пьяцца» (арх. В. Орбеладзе, 2009) и башня «Грузинский алфавит» (CMD Ingenieros, 2012)

грузинская власть продемонстрировала в чистом виде «объектный» подход, свойственный не столько европейским, сколько развивающимся странам. Любовь к ярким, оригинальным постройкам можно, конечно, отнести на счет особенностей национального характера. Облик портового Батуми исторически складывался во многом на основе проектов-аттракционов. Но именно сейчас грузины, памятуя о низких расходах на социальные нужды, проявляют не очень свойственный им в более тучные годы рационализм. И постоянно задаются вопросом, стоило ли тратить средства на масштабные сооружения, за которыми порой не видно экономической целесообразности.

Соображения, связанные с обликом сооружений, желание удивить, зачастую заслоняли в сознании реформаторов более приземленные мысли о функциональности зданий. Батумский технологический университет, например, запихнули в 40-этажную башню (проект молодого грузинского архитектора Давида Гогичаишвили). Сомнительная форма для учебного заведения. Не слишком практичная с точки зрения активной коммуникации между различными кафедрами и факультетами вуза. Большие расходы на эксплуатацию высотки могут лечь тяжелым бременем на молодой университет. И еще автора статьи мучает вопрос, зачем в фасад

университета имплантировано маленькое колесо обозрения, вращающееся в плоскости стены здания? Для туристов? Но обзор с него точно такой же, как был бы с обычной смотровой площадки.

При всей активности государства в области архитектуры и градостроительства новые жилые кварталы по качеству среды сильно уступают историческим частям городов. Например, район высотной многоквартирной застройки вдоль бульвара в Батуми неуютен и нелюбим коренными горожанами, знающими вкус жизни в старом портовом городе. Несмотря на близость к побережью, связи нового района с морем выстроены очень плохо. Во многом потому, что новая автотрасса из аэропорта проложена вдоль линии пляжа – скорее всего, чтобы впечатлить прибывающих гостей.

Самым, пожалуй, губительным для Михаила-градостроителя было следование своим и только своим представлениям о том, что хорошо и что плохо. Неоднозначно воспринимается населением Батуми, в частности, работа по реконструкции кварталов исторического центра. Широкие мощеные тротуары сделали узкие улицы плохо проезжими для автомобилей. У гостей и жителей района возникли серьезные проблемы с личным транспортом, возможностей для парковки в этой части города теперь практически нет. Обновленные «европейские»

фасады прикрывают неухоженные двory – внутренней структуры кварталов никто не касался. Недовольство горожан вызывают и жесткие требования по поддержанию облика жилых домов в старой части города – вплоть до невозможности устанавливать на балконах телевизионные антенны. И это при том, что сама городская власть очень вольно обращается с архитектурным наследием. Вспоминается анекдот про Вовочку, наблюдающего за интимной жизнью родителей: «И эти люди запрещают мне ковыряться в носу!»

Инвесторы получили от власти карт-бланш на манипуляции с объектами, многие из которых обладают собственной мифологией, эмоциональной ценностью для горожан. Двухэтажная городская почта, построенная в конце XIX века на главной площади Батуми, была отдана под казино. Строители выдолбили здание изнутри, превратив его в постамент для уродливой 13-этажной гостиницы (работы ведет турецкая компания «Япи Гювен Батуми»). Маленький, эклектичный, но очень запоминающийся «Дом учителя» буквально разваливается в процессе «реконструкции» с надстройкой второго этажа. Для того чтобы построить новый отель, сносится историческая гостиница «Лондон». Изрядно запущенная, но очень изящная городская больница, некогда Батумский институт

Λ New Georgian architecture: Palace of Justice in Kutaisi (AG&P, 2011), Bridge of Peace in Tbilisi (Michele de Lucchi, 2010)
Новая архитектура Грузии: Дом юстиции в Кутаиси (AG&P, 2011), мост Мира в Тбилиси (Микеле де Лукки, 2010)

тропических болезней, в процессе превращения в правительственную резиденцию надстроена безобразной мансардой. Производной от идеологических и художественных приоритетов правящего режима стала политика по изменению визуальной среды города за счет имитации исторической европейской архитектуры. В результате и без того уже архитектурно украшенное банковское здание начала XX века на пересечении улиц Константина Гамсахурдиа и Мемеда Абашидзе (бывш. Ленина и Сталина) надстраивается совершенно «диснейлендовской» башней. Процесс превращения исторического города в тематический парк продолжает возведение крупного псевдоренессансного комплекса «Итальянская пьядца» (арх. В. Орбеладзе, 2009).

Демонстративное желание вычеркнуть из истории период пребывания Грузии в составе СССР выливается в уничтожение объектов советского модернизма. Интересное здание кинотеатра «Тбилиси» (арх. Н. Абашидзе, 1964), замыкавшее перспективу улицы

Баратшвили, одного из центральных проспектов Батуми, снесено для того, чтобы возвести на его месте дешевую имитацию не то модерна, не то стиля Наполеона III. К сожалению, небрежение по отношению к памятникам в саакашвилиевской Грузии было распространено повсеместно. Доставалось даже сталинским зданиям, которые по причине своей пышности воспринимались властями как ценность. Незавидна, в частности, судьба одного из самых известных произведений А. В. Щусева – института марксизма-ленинизма в Тбилиси (1936–1939). Приспосабливая здание под гостиницу «Кемпински», собственник выпотрошил его почти целиком, оставив лишь главный фасад. Схожая участь может постигнуть опустевший в связи с переездом парламента Дом правительства Грузинской ССР (В. Д. Кокорин, Г. И. Лежава, 1938–1953).

Присвоив себе право «улучшать» архитектуру XX века, трудно остановиться. И вот предпринимается приведшая к конфликту с ЮНЕСКО «реставрация» построенного в XI веке храма Баграта в Кутаиси, в ходе которой, совсем как в московском Царицыне, достраиваются охраняемые руины. В июле 2009 г. в составленном ЮНЕСКО списке исторических памятников под угрозой оказался город Мцхета. Одна из основных причин – отсутствие зон охраны древнего поселения, в результате чего и на его территории,

и вокруг ведется практически бесконтрольное новое строительство.

Почему архитектура стала проблемой, а не решением Новая архитектура Грузии демократична по форме и связанному с ней нарративу, но она оторвана от стратегий выживания «маленького человека», а ее творцы считают себя вправе выкорчевывать все, что мешает приблизиться к желанной картинке. Деятельность по обустройству городской среды опиралась на практики, рожденные в современных либеральных городских сообществах, но при этом зачастую игнорировала мнения, ценности и повседневные потребности горожан. Сказанное применимо в целом к грузинским реформам, которые являют собой образец «тоталитарного», то есть не признающего сомнений и полутонов, либерализма. Неумная страсть к модернизации через разрушение того, что представляется устаревшим и ненужным, часто приводит к созданию нежизнеспособных институтов и объектов.

Реализованные архитектурные проекты сделали очень наглядным ментальный разрыв между властью и обществом. Застройка, сформировавшаяся до 1917 года, демонстрирует равное качество государственных и частных проектов, в том числе индивидуальных жилых домов. Вокзал и почта в историческом стиле, гостиница с элементами

модерна, особняки с оглядкой на Францию и Италию. В то время как сегодня – драматическая разница. За счет государства – полный «юргенмайер», а новый батумский горожанин норовит построить дом, как был у него в деревне, только покрупней.

Вполне возможно, что сейчас завершается личная политическая история великого, без кавычек, градостроителя, которая должна послужить предостережением для других претендентов на эту роль. Можно строить модно, как Саакашвили, или немодно, как Лужков, результат будет виден всем, но понравится он не каждому. И велик шанс рано или поздно получить счет за архитектурные излишества.

Уроки для будущих градостроителей, в которых нет ничего нового

Программу объекта следует ставить впереди архитектуры. Из этого вытекает необходимость, несмотря на непроработанный механизм публичных слушаний и на то, что любое более-менее широкое предъявление проектов чревато конфликтом, вовлекать население в обсуждение архитектурных и планировочных решений. То есть перекладывать на него часть ответственности за их принятие.

Необходимо внимательно приглядываться к реальности, идти за ней, а не загонять ее в собственные представления о том, что хорошо и что плохо. Следует учитывать сложившиеся вкусы населения и ментальные образы территории, не запускать одновременно слишком много проектов, резко меняющих городскую среду; обеспечивать в районах исторической застройки численное преобладание фоновых решений при небольшом количестве объектов – «шоу-стопперов». Всем – и жителям, и туристам – аутентичная среда интереснее и приятнее новодельных «шедевров».

И, конечно, стоит бороться за высокое качество архитектурных и дизайнерских решений, будь то новое строительство или реконструкция. По-настоящему продуманные вещи создают гармонию, а не конфликты.

Джемал Сурманидзе

Фото Алексей Народицкий

03

«Молодое наследие»: шансы на выживание

Young Heritage: chances for survival.
In 2011 in the community of movers and shakers dealing with heritage happened something that was noticed at once in those countries where heritage is taken seriously. The Madrid Document was issued

V Van Nellefabriek in Rotterdam is an example of a successful conversion of industrial architecture into offices
Фабрика «Ван Нелле» в Роттердаме (арх. Й. Бринкман, Л. Ван дер Влюгт, 1925–1931) – пример успешного перепрофилирования индустриального комплекса в офисный

Наталья Душкова/Natalia Dushkova

В 2011 году в кругах, занимающихся архитектурным наследием, произошло событие, которое оказалось сразу же замеченным в странах, где постройки XX века рассматриваются как ценная часть историко-культурного процесса. В Испании был торжественно представлен, принят и опубликован международный Мадридский документ–2011.

В этом документе, пожалуй, впервые сформулированы основные принципы сохранения наследия XX века, что подтвердилось стремительным переводом текста сразу на несколько языков и распространением документа в виде печатных брошюр. Здесь можно воскликнуть: как, разве из перспективы XXI столетия, в которое мы уже порядочно углубились, возможно иное – «не охранительное» – отношение к сооружениям прошлого века? Разве собственно XX век не стал той эпохой, которая установила принципиально иное культурное измерение, утвердив сохранение памятников одним из главных мировых завоеваний?

Публикуя Мадридский документ на русском, не без печали заметим, что существует и другая парадигма. Что до сих пор именно в стране великого русского языка и не менее мощной архитектуры XX века, будь то авангардно-модернистская или сталинская, бесконечно приходится слышать о «советской рухляди» и противостоят уничтожительному отношению к выдающимся зданиям, которые давно – «по умолчанию» – признаны в мире всеобщим достоянием. Достаточно упомянуть тот поразительный факт, что в Москве, этом средоточии лучшего из созданного в тот период, будь то произведения классиков Жолтовского, Щусева, Фомина или авангардистов Мельникова, Ладовского, Гинзбурга, ни одна из построек этих и других выдающихся мастеров не обладает федеральным (общественным) статусом охраны (!). Что уж говорить о Всемирном наследии, пантеоне best of the best – туда при таком официальном отношении внутри страны наше архитектурное наследие попадет не скоро, если доживет.

Поэтому, будучи оптимистично настроенными, возлагаем надежду на просветительскую силу Мадридского документа, разработанного экспертной группой Комитета по наследию XX века в рамках ICOMOS – крупнейшей международной профессиональной организации по сохранению памятников и достопримечательных мест, почитающей легендарную Венецианскую хартию своим этическим кодексом. Среди земноморская сила этого документа из середины прошлого века как будто выстрелила в мадридское лето 2011 года. Здесь, на международной конференции «Принципы вмешательства применительно к архитектурному наследию двадцатого века», проходившей в Высшей технической школе архитектуры Политехнического университета Мадрида при огромном стечении участников, представителей городских властей и профильных министерств, состоялось не просто обсуждение, а публичное чтение документа, что свидетельствовало о его значимости.

Главным организатором действа был испанский архитектор, вице-президент Комитета по наследию XX века Фернандо Эспиноса де лос Монтерос. Его подвижная фигура и художнический облик хрупко сложенного человека с развевающимися волосами и горящими глазами, представителя мира искусств и европейской аристократии, как нельзя более соответствовали энергетике происходящего. Венцом конференции стало выступление великого Алваро Сизы. Его спокойствие и неторопливая речь, черно-белые фотографии осуществленных построек, наделенных безупречным вкусом и чувством материи, транслировали в зал идею вневременности архитектуры, ее органического сращения с природным окружением и историей. Современность есть функция временного потока, который надо понимать и уметь им управлять.

Детальность Мадридского документа, главный пафос которого состоит в утверждении неизбежности происходящих изменений, позволяет взглянуть на сохранение зданий